

A romantic couple is shown in a close embrace on a balcony. The man, with dark hair and a beard, wears a vibrant purple long-sleeved shirt and dark trousers. He has his hands on the woman's shoulders. The woman has long, wavy blonde hair and is wearing a black dress with intricate floral patterns. They are looking into each other's eyes. The background features a warm sunset sky with orange and yellow hues, and a lush green landscape visible through a black metal railing. To the left, a large, ornate white stone urn sits on a ledge.

САША ШТЕЙМАН

ТАЙНА
ВИНОДЕЛОВ

Саша Штейман Тайна Виноделов

<https://litres.ru/74221604>

Аннотация

18+

Адочке предложили "отдохнуть" на винодельне — тихо и незаметно исчезнуть из жизни мужа бизнесмена. Единственный план — плакать в номере и пить вино. Но...

Судьба врывается в ее жизнь через окно, в виде Кирилла - харизматичного владельца винодельни.

Адочка случайно узнает о существовании тайного ордена виноделов. Чтобы помочь Кириллу начинает собственное расследование.

Авантюрная мелодрама. Уютная, добрая история. Филгуд роман о жизни на винодельне Шато де Грин.

О неидеальной, но настоящей романтике.

#авантюрная мелодрама

#филгуд история

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	37
Глава 7	47
Глава 8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Глава 1

Развод.

Владелец винодельни.

Человек изначально хрупок.

Глава 1

На исходе знойного августовского дня из окна номера 13 светловолосая женщина наблюдала за двором винодельни. Мужская рубашка держалась на одной пуговице, сама Ариадна Фадеевна или попросту Адочка (ну нельзя же даму в рубашке на голое тело, величать столь претенциозно) держала в руках бокал с «Совиньон-Блан». Они изумительно дополняли друг друга – женщина сорока девяти лет и легкое летнее вино с нотками спелого грейпфрута и смородинового листа.

Во дворе винодельни стилизованном под французский прованс позапрошлого века, стояли дубовые бочки «Château Green». Импозантный под сорок мужчина в черной шелковой рубашке, в черных брюках, открывал деревянную воротину чтобы выпустить кортеж машин во главе с черным катафалком.

Адочка спрыгнула с подоконника и подошла к письмен-

ному столу и достала ноутбук.

“Филипп меня бросил. Двадцать лет, дьявол меня заberi, двадцать лет...неужели это ничего не значит? Я же не умею ничего, кроме как крахмалить воротнички, готовить на завтрак вафли с джемом. Единственная дочь уехала в колледж, муж ушел к молодой. А кто я без них? Кто я?

– Ничего не имеет смысла... - Адочка сжала бокал двумя руками.

В окно влетело перо. Вслед за ним появилась рука. Она цепко ухватилась за подоконник, следом за ней показалась черная шевелюра, выдававшая южное происхождение незнакомца, а затем все остальное: обнаженные руки, волосатая грудь и бедра в удлинённых плавках-шортах. Адочка взглянула на свои ноги, не знавшие шугаринга уже две недели, и поспешила спрятать их под письменный стол.

– Эй! Вы кто? Это моя комната - Адочка начала заикаться. Это и немудрено, ведь не каждый день к ней в окна забираются почти обнаженные мужчины.

Незванный гость вздрогнул.

– Простите, я не знал, что этот номер занят. Я думал, он... – мужчина начал тоже заикаться. Десять минут назад при полном облачении он выпускал похоронный кортеж. Адочка определила, возраст едва ли старше сорока. Впрочем, у южных мужчин возраст кажется, замирает после 20 лет.

– Приношу свои извинения. Вы напугались? - он смахнул перо на пол.

Адочка машинально допила вино и продолжала держать пустой бокал как единственную опору в этой фантаσμαгории. Мужчина мягко подошел почти не шлепая босыми ступнями, элегантно поднял бутылку и как заправской сомелье наполнил бокал Адочки.

– Прекрасный выбор вина, как раз для летнего отдыха с нотками спелого грейпфрута... - слова прозвучали так, словно не происходило ничего особенного.

Адочка скользнула взглядом по рекламному буклету винодельни и машинально добавила:.

– И... смородинового листа. Но я его не чувствую...

– Дайте ему время раскрыться в бокале. Вы слишком быстро пьете. Так нельзя.

Адочка опомнилась, и покосившись на голые ноги незваного визитера с нескрываемым ехидством проговорила:

– А стоять передо мной в одних..., – она неопределенно взмахнула рукой: – и вещать о тонкостях дегустации, Вы считаете можно?

– О, вы абсолютно правы. – Мужчина шагнул к встроенную в стену гардеробную и исчез внутри так быстро, что Адочка не успела возмутиться. Через 20 секунд вышел в белоснежном халате с логотипом винодельни.

– Кирилл Вениаминович – с сегодняшнего утра владелец "Шато дэ Грин", - галантно взял кисть Адочки и коснулся ее губами.

– Так это ваш родитель выезжал в катафалке сейчас... -

Адочка вырвала руку.

– Да, верно. Но Вы не волнуйтесь так. Ничего же страшного не произошло. Его просто усыпили. Господа ретрограды, не могут без обрядов.

– у.. усы..пили, и вы так спокойно об этом говорите. - Адочка вскочила из за письменного стола забыв про свои небритые ноги. Пуговица на рубашке не была готова к таким нагрузкам и оторвалась.

– Ну да, - Кирилл Вениаминович явно заинтересовался тем, что открылось его взору, - Вы не злитесь понапрасну, я тут абсолютно не причем. Дело в том что в “Братстве Лозы” так принято.

– Вон! немедленно вон! - Адочка одной рукой держала рубашку, а другой - указывала на дверь.

Кирилл Вениаминович по офицерски стукнул пятками в несуществующей обуви и галантно поклонился. У выхода обернулся и проказливо послал воздушный поцелуй.

– А Вы ведь так и не представились. Буду называть вас незнакомка из 13 номера.

Глава 2

Глава 2

На небранной кровати в номере 13, безучастно лежала Адочка. Она занималась тем же, что и последние два дня - растравливала саму себя. Вновь и вновь повторяла последние слова Филиппа:

"Не надо так реагировать. Мой партнер по бизнесу предоставил номер на неделю. Поживешь на винодельне и приведешь себя в нормальное состояние."

Адочка спустила ноги с кровати и подошла к гардеробной. Помедлила, опасаясь что утренний незванный гость выпрыгнет оттуда. Приоткрыла дверцу.

Нет никого.

Нужно непременно проветриться, иначе будущее в психиатрической лечебнице станет реальностью.

Откровенный сарафан подчеркивал талию и пышную грудь. Шляпка из итальянской соломки, придавала элегантность и скрывала опухшее лицо. Адочка ткнула пальцем в зеркало и спросила свое отражение.

– Двадцать лет коту под хвост. И все ради чего? Ради молодой нимфетки с силиконовыми губами и мозгами креветки?

Отражение не ответило. Адочка криво усмехнулась и впервые за два дня покинула номер.

Солнце прожигало шляпку насквозь. Адочка поправила бретельки сарафана и пожалела что вышла. Через десять минут ее начало злить абсолютно все. Макушка плавилась, плечи краснели.

– Да есть ли где нибудь в этой дыре тень? - Адочка резко обернулась к проходящему мимо кряжистому мужчине в комбинезоне с логотипом винодельни.

– Слева от выхода расположен пруд, плакучие ивы и беседка. Думаю, то что Вам нужно. Вы же из 13 номера? - мягко грацируя он согнул указательный палец на левой руке, приложил ее к правому предплечью. Помедлив секунду вынул из нагрудного кармана рекламный буклет и холеным с маникюром пальцем показал маршрут.

– Возьмите, думаю Вам пригодится. - протянул карту винодельни, - Адонис Альбертович, совладелец винодельни.

– Простите. Жара так влияет, я обычно не так груба, - Адочка смутилась от спокойной корректности мужчины.

– Все в порядке, я знаю Вам сейчас непросто. Мы с Вашим мужем Филиппом партнеры по бизнесу, - Адонис Альбертович, слегка поклонился и зашагал в сторону винного погреба.

– Черт возьми, - Адочка патетически подняла руки к небу, - разве тут нет никого кроме владельцев сующих нос в чужие дела?

– Вы что то сказали? - обернулся Адонис Альбертович.

– Нет, нет, - Адочка скорчила радушную физиономию, -

говоря, как у вас тут красиво.

– Спасибо, это для нас высокая похвала, - еще один владелец винодельни наконец скрылся в винном погребе. Адочка убрала с лица искусственную улыбку и рванула за ворота в противоположном направлении, чем то которое указал Адонис Альбертович..

Необходимо сказать, что нет ничего отвратительней чем идти по высохшим комьям земли в босоножках на шпильке. Но не могла же она показать им всем слабость. Кому им было не понятно. В знойный полдень соблюдали сиесту все, кроме Адочки.

Уже не жена, Филипп ее бросил как ненужную вещь. Кто же она? Уже не мать. Дочери Алекс, двадцать три года, пять из которых она живет вне дома.

Адочка брела целую вечность между идеальных виноградников, проклиная свою вспыльчивость. Время плавилось как часы на картине Сальвадора Дали. Втайне она десять раз пожалела, что не воспользовалась советом Адониса Альбертовича. Полуденный жар обнимал ее ноги и высушивал слизистую.

– Ну где же тень?

– Она здесь, - раздался знакомый голос откуда то снизу.

– Ай, - Адочка отпрыгнула и каблук попал меж двух камней. Взмахнула руками и пытаясь одновременно удержать равновесие и сохранить презентабельный вид.

– Опять Вы! Вы меня преследуете? Вас гонят в дверь, ка-

рабкаетесь в окно, вам дают от ворот поворот, а вы вылезаете из под земли? - произнося тираду, Адочка балансировала на одной ноге, и пытаясь вытащить другую из каменного плена. К сожалению ей не удалось не сохранить ни презентабельный вид, ни равновесие. Адочка чуть дальше отклонилась чем это было необходимо. Каблук хруснул и она с размаху плюхнулась на задницу. Совсем не элегантно. Но ей уже не было дела до того, какое впечатление она производит. Боль в щиколотке сейчас была важнее чем весь остальной мир, включая и правила приличия.

Кирилл Вениаминович положил секатор на землю рядом с огромной кистью янтарного винограда и выпрямился.

– Это вы во всем виноваты. - Адочка вцепилась в сломанный каблук и оторвала его от подошвы.

– В чем конкретно? - Кирилл Вениаминович в рабочем комбинезоне с логотипом винодельни с сочувствием смотрел на скрюченную Адочку. Но не рисковал подходить.

– Во всем! - Адочка уже не могла сдерживаться, – в том что это дебильное солнце так жарит, в том, что Филипп меня бросил, в том, что я сломала каблук, и в том что вы вообще тут находитесь.

– Ну так, я тут живу.

– А не должны, не должны, - Адочка уже всхлипывала в голос, глаза покраснели, сарафан выпачкался в пыли.

Кирилл Вениаминович сделал маленький шаг в ее сторону и вытащил из кармана маленькую упаковку бумажных

салфеток.

Адочка даже перестала всхлипывать. Ободренный этим затишьем, Кирилл Вениаминович сделал еще шаг к ней и вложил в ее руку салфетку.

Адочка завороченно взяла салфетку и посмотрела на Кирилла Вениаминовича.

– Вы совсем идиот! что я буду с этим делать? У меня опухла нога, я не могу идти, не могу сидеть, не могу жить в конце концов. А Вы мне салфетку даете?

Кирилл Вениаминович подал руку Адочке, – Обопритесь на меня, я вас доведу до винодельни. Там есть лед в подвале.

Адочка взглянула на опухающую на глазах щиколотку и ткнула в нее пальцем.

– Ай, больно.

– Подождите, – Кирилл Вениаминович выставил руку вперед. – Я не смогу пережить еще один слезопад. Лучше сделаем так – Он подхватил ее под колени одной рукой, второй придержал за плечи и пошатываясь поднял Адочку с земли.

– А каблук, это же Rene Caovilla - Адочка протянула руку за лежащим на земле предметом.

– Я вам новые куплю, только Вы не дергайтесь, уроню ведь. Сколько вы весите?

– Что вы себе позволяете?!

– Мне нужно рассчитать Ваш вес, мою скорость и расстояние до винодельни. Иначе через столетия найдут только наши высохшие мумии.

Адочка покраснела, наконец решилась и буркнула тихо ему в ухо.

– Ну вот видите, это оказывается легко, – Кирилл Вениаминович пошатнулся. – всего лишь на десять килограмм легче чем я. Это дает преимущество еще в пару шагов.

– Вы хам!

– Да, – грустно согласился Кирилл Вениаминович. – Но моя задача Вас как гостью донести до пункта назначения. Мы заботимся об имидже Шато де Грин. Не хватало еще, чтобы о нас шла слава, как месте, где исчезают элегантные дамы. Но с другой стороны, – приблизил свои губы неприлично близко к губам Адочки, – Некоторые мужья этих дам дорого бы заплатили за эту возможность.

Адочка задохнулась от возмущения, и набрала воздух для отповеди, когда послышался приближающееся тарыхтение. Кирилл Вениаминович осторожно спустил с рук Адочку.

– Нам выпал единственный шанс выжить в этой виноградной пустыне. – Он сложил молитвенно руки, – и я сделаю все что в моих силах, чтобы не упустить его. Благословите меня! – и не дождавшись ответа развернулся в сторону звука. В рабочем комбинезоне он скакал вдоль рядов с гроздьями винограда как огромный кузнечик.

– Эгегей, спасители, стойте! Мы здесь! Мы здесь!

Глава 3

Кирилл Вениаминович в кабину не влез и слава всем ангелам. Адочка не переносила его обеспокоенный взгляд. Во-первых, она не стоит такой заботы, а во-вторых, - за заботой всегда кроется подвох.

Молчаливый тракторист принес ее в винный погреб, выдал ведро со льдом и убежал заканчивать вспашку земли. Адочка завернула лед в полотенце и приложила к распухшей щиколотке.

Еще два дня назад она не за что бы не поверила, что ее может что-то отвлечь от тоски.

Душевный доктор назвал бы это острой стрессовой реакцией. И порекомендовал воздерживаться от алкоголя. Противница докторов, она занималась самолечением.

В первую половину дня хорошо шли белые сухие вина: Совиньон-Блан и Грюнер Вельтлинер. На ужин розовое вино Цвайгельт.

После измены Филиппа, вместо истины на дне бокала она искала обезболивающее.

Сегодняшний день перевернул ее привычный режим. Она была трезва, как прозрачный лепесток гибискуса под окном.

Глаза смежились. Под арочными сводами винного погреба прохладно и тихо. Укрытая пледом с головой она походила на мешок с бельем, что не успели донести до стиральной

машины и кинули на полпути.

В ее беспокойном сне полупрозрачный Кирилл Вениаминович, сидел на подоконнике и кидался в люстру виноградом. Люстра скрипела так невыносимо, что Адочка приготовилась произнести отповедь нахалу. И открыла глаза.

– Это всего лишь сон, - вздохнула и откинула плед с лица. Но звук не прекращался.

Стеллаж с бутылками медленно двигался на нее. словно сошедший с ума дом решил уничтожить жильцов.

Адочка открыла рот и попыталась закричать. Но вместо полноценного женского крика родился сдавленный сип.

Стеллаж остановился.

Из-за него вышли двое. Адочка машинально накинула плед на голову, оставив маленькую щелку. Адонис Альбертович и низенький, кругленький человек в белой рубашке с капюшоном которые любят покупать туристы на юге.

– Необходимо успеть смазать механизм до ритуала посвящения , - низенький переставил бутылки определенным образом и стеллаж с таким же скрипом вернулся на место.

– Да, Бывший Достопочтимый Мастер. - Адонис Альбертович снова повторил тот самый жест. Прикоснулся левой рукой с согнутым указательным пальцем к правому предплечью.

Адочка затаила дыхание, пока неожиданные посетители не покинули подвал. Убедившись что осталась одна, откинула плед.

– Что за чертовщина тут творится?

Опираясь рукой о шершавые стены допрыгала до двери. Заперта.

– Да, епрст.

Мочевой пузырь переполнен. Выхода нет. Нога болит. Что за жизнь...

Порядок бутылок на стеллаже идеален. какую нужно вытащить чтобы заветная дверь открылась. В какую пещеру Алладина она попала? Если придут сорок разбойников ей не сдобровать.

Адочка уже 10 минут скрючившись от непреодолимого желания опорожнить мочевой пузырь вытаскивала бутылки из пазов, крутила, переставляла - стеллаж стоял неподвижно.

– Да провались все пропадом.

Запустила в стеллаж пледом, села на пол и расплакалась. Плед на пол не упал. Подняла голову и увидела, что плед на чем-то висит. Откинув плед увидела выпуклый барельеф с изображением розы сверху и виноградным листом под ним.

Вдавила розу и отшатнулась от скрипа двигавшегося на нее стеллажа.

Внутри пространство тонуло во тьме. Пошарила по стенам рукой наткнулась на еще один барельеф и вдавила его. Просторная зала освещалась электрическими свечами в канделябрах. Адочка поскользнулась на полу в черно-белую клетку и врезалась в одну из четырех колонн, с бюстами древнегреческих аллегорий. Ее не интересовало ничего кроме туа-

лета. В левой келье за бордовой портьерой находилось лишь 12 кресел, шкафы с книгами и коробки с сигарами. В правой келье за такой же портьерой ящик по центру с землей и маленьким растением.

– Здесь никто не пользуется туалетом что ли? Все уже достигли уровня невообразимой святости?

Обессиленная Адочка не выдержала. Она воспользовалась ящиком из правой кельи не совсем по назначению. Точнее совсем не по назначению.

Повеселев, Адочка по-хозяйски выключила свет. Вернула барельеф с виноградным листом на полагающееся ему место, послушала привычный скрип стеллажа.

Но выбираться как-то отсюда необходимо. перспектива отсаться здесь до уровня высохшей мумии, как говорил нахальных Кирилл вениаминович, ее не прельщала. Прыгая на одной ноге, обследовала стены, нажимала выпуклости и впуклости. Но ничего не отзывалось на ее прикосновения. Видимо все остальное было обычным и это ее начинало сводить с ума.

Рядом с креслом, где она спала располагались дубовые бочки. Между потолком и последней бочкой лился свет.

Неужели окно.

Адочка взгромоздилась на одну бочку, вторую, подтянулась на руках.

Ура! Она была права! Да и вообще она всегда права! Она молодец! Окно.

А как ей выбраться из него?

Фрамуга могла выпустить воробья, но никак ни женщину ее великолепной комплекции. Грудь бы точно застряла. Выходит она не совсем молодец. Выход перед глазами, а выбраться нельзя. Адочка сидела под потолком опершись спиной об бочку и положив больную ногу на оконную ручку. Готовясь впасть в привычную беспросветную тоску.

Дверь в погреб распахнулась. Вокруг черных как смоль волос ее спасителя светился нимб.

– А что вы так высоко залезли? Пониже не нравится?

Адочка прикусила губу, чтобы не расплакаться. Такой момент был испорчен. Опять этот Кирилл Вениаминович все портит. Будто нарочно.

– Дайте руку.

– А кидаться в меня бочками не будете?

– Прекратите издеваться.

– Даже не думал. Вот Вам моя рука, - Кирилл Вениаминович протянул руку и сразу же отдернул, - Только давайте договоримся на берегу, что после того как возьмете мою руку, на сердце не будете претендовать.

– Выпустите меня отсюда немедленно. Сделайте так, чтобы я вас никогда не видела.

– Слово леди закон, я пошел, - он развернулся к выходу из подвала.

– Вы что так и уйдете? - Адочка возмущенно смотрела как он спокойно поднимается по лестнице к выходу из подвала.

– Меня мама воспитала послушным и вежливым. Мне это часто мешает, но не могу же я не послушаться такой обязательной женщины как вы. Вы не хотите меня видеть,- Он взялся за ручку двери готовясь ее открыть.

– Стойте.

Он замер, ожидая, но не поворачиваясь к ней.

– Простите меня, я ... Адочка сглотнула, - я веду себя глупо, мне кажется что у меня нервный срыв.

– Он у Вас перманентный.

– Что? - Адочка напряженно прислушивался к словам.

– Нет, нет, я иду к вам с открытым сердцем и протянутой рукой.

...

Такой тишины не бывает в городе. В такой тишине успокаиваются нервы и возникает идиотское желание писать. В школе она получала по сочинению лучшие оценки. Писала вместо дочери школьницы и потом студентки. Писала и наслаждалась тайной страстью складывать мысли в слова. Филипп говорил, что все это дурь и никому не нужна ее писанина. Сейчас она освободилась. Сейчас она пытается слушать не Филиппа а понять себя, людей, и саму жизнь.

Если честно, получается не очень, поэтому ей нужен ее ноутбук.

В номер постучали.

– Войдите, - Адочка инстинктивно загородила ноутбук.

– Вам комплимент от владельца винодельни, - горничная

внесла плетеную корзинку с крупным виноградом, сыром бри и термосом с чаем. – Кирилл Вениаминович, просил передать наилучшие пожелания в выздоровлении и просил вино вам не приносить. Хотя в комплимент обычно входит белое сухое Совиньон-Блан. Он говорит, что вкус смородинового листа Вы все равно не чувствуете, и на вас нельзя тратить такое изысканное вино.

Адочка побледнела.

– Он так сказал?

– Просил передать в точности, а потом вручить вам это, - горничная вложила в руку Адочки плотный конверт и логотипом винодельни.

Когда дверь закрылась, Адочка порвала конверт пополам, потом еще раз пополам. и выкинула в мусорное ведро.

– Что он себе позволяет. Не нужно тратить на меня изысканное вино. Ах он высокомерный болван. - Адочка задыхнулась и присела на стул. - Болван, повторила она. Но любопытство пересилило. Перевернув корзину на пол, достала три разорванных клочка и положила на подоконник и полезла за четвертым.

Надпись от руки черной ручкой, почерк каллиграфический.

– Да он еще и сноб.

Порыв ветра взметнул белые сатиновые занавески.

Адочка стояла перед пустым подоконником с единственным клочком бумаги в руках.

Во пустом дворе зажглись фонари. Обрывки приглашения
улетели за забор.

Что на них было написано?

Взглянула на уцелевший клочок бумаги в руках:

*искренние извинения. В знак серьёзности своих слов при-
глашаю Вас на*

Глава 4

Прыгать на одной ноге неловко в её возрасте. Адочка передвигалась скачками к тому месту, где видела кружащие обрывки приглашения, – к забору. Один она нашла сразу: он зацепился за ветку акации. Второй пришлось поискать. Оглянувшись, не смотрит ли кто на неё, Адочка пролезла сквозь поперечные доски забора, благо ширина просвета между ними позволяла. Среди пожухлой от солнца травы, вперемешку с опавшими листьями, она углядела второй листок. Третий никак не получалось найти. На окна уже перестала оглядываться, перестала думать, как она выглядит в этом мятом и грязном сарафане. Опираясь грудью на нижнюю перекладину забора, светила фонариком телефона, чтобы найти этот глупый листок.

– Вы случайно не это ищете?

Адочка подпрыгнула от неожиданности и стукнулась макушкой о верхнюю перекладину забора.

– Ой, – и подняла глаза.

Перед ней, в ореоле фонаря, стоял маленький кругленький мужчина лет шестидесяти с аккуратной седой бородой. Тот самый которого называли бывшим достопочтимым мастером. Он держал в руках тот самый клочок бумаги.

– Наверно, больно. Простите, я не хотел Вас напугать.

– Какие знакомые слова. У вас, живущих в винодельне,

есть стандарт разговора? – пробурчала Адочка не так тихо, как хотелось бы.

Бывший достопочтенный мастер предпочёл сделать вид, что не услышал.

– Вениамин, – он улыбнулся и протянул ей листок. – Так это ваш?

– Мой. Ариадна.

Адочка вылезла из перекошки забора и подпрыгнула к Вениамину.

– Подождите, что у Вас с ногой?

– Ничего страшного, подвернула.

Вениамин строго и по-отцовски дотронулся до её плеча.

– Садитесь, я посмотрю. Я врач.

Адочка подчинилась. Ей очень хотелось кому-то подчиниться, чтобы кто-то взял на себя все тяготы жизни, разрулил ситуации и покачал в объятьях.

– У Вас небольшой подвывих. Сейчас будет не совсем приятно, но потом Вы сможете ходить. Иначе ещё будете прыгать, как кузнечик еще неделю. Он взял её щиколотку одной рукой, а стопу – другой, и быстро крутанул.

– Ай, – Адочка вскрикнула.

– Да, немножко потерпели, а теперь попробуйте наступить на ногу.

Аккуратно поставила стопу и перенесла на неё вес тела. Восхищенно посмотрела на Вениамина.

– Мне совсем не больно! Вы волшебник!

– В каком-то смысле Вы правы, – Вениамин улыбнулся, и лысина блестела под светом фонаря так же ослепительно, как и глаза.

...

Опасаясь давать на ногу нагрузку, Адочка не вбежала по лестнице горной козочкой, но в номере ринулась сразу к столу, закрыла окно, задернула занавески и плотные портьеры и сложила недостающие части записки. Одного маленького кусочка всё же не хватало, но это и не важно – основной текст был здесь.

Любезная незнакомка из номера 13,

Позвольте принести Вам искренние извинения. В знак серьезности своих слов, приглашаю Вас на пикник, где я, совершенно бескорыстно, научу различать и дегустировать вина нашей винодельни.

Простите меня за этот разговор с горничной – признаюсь, я боялся, что Вы, памятуя о нашей первой встрече, захотите выпить сегодня вечером, и завтра не сможете оценить бархатистые нотки и тонкие обертона симфонии вкуса, которыми славятся вина нашего производства.

Приглашаю Вас в 19:00 в чудесное место, где растут и вы
Зря она думала, что маленький кусок не важен. Он чертовски важен. Он указывает на место где они должны встретиться.

Где она найдет это место где “и вы”. Может это деревья ивы? А где они растут? Так... одно место она знает, его ука-

зал Адонис Альбертович, там где ротонда и пруд.

Вытащила из шкафа скудный комплект вещей и разложила на двуспальной кровати. Пара джинсов, пара футболок, мужская рубашка с оторванной пуговицей и сарафан. Не густо. Совершенно не в чем пойти на randevу. Она рассчитывала провести эту неделю в слезах, а не на каблуках дефилировать.

"Утро вечера мудренее", — как говорят в сказках. Адочка безмятежно нырнула под тонкую шелковую простыню.

...

На рассвете Адочка успела сбегать до ротонды у пруда, чтобы разведать обстановку. Ивы там не оказалось. Только пенек.

— А где ива? — крикнула она уже знакомому трактористу. Молодой паренек что-то прокричал и поехал дальше. Унылая пора, пеньки и неизвестность.

Засунув руки в карманы джинсов, она подождала, пока молоденький тракторист вспашет один ряд и вернется обратно. Демонстративно раскинула руки навстречу приближающемуся трактору.

— Почему у вас тут нет ивы?

— Что? Не слышу, отойдите.

Адочка не сдавалась. Она замерла и стиснув зубы наблюдала как на нее надвигается маленький красный трактор.

Трактор остановился, и белобрысый парнишка выглянул из кабины.

— Не мешайте мне работать, отойдите с ряда.

— Я отойду, когда скажешь, куда делась ива.

— Ее спилили из-за ветхости, она могла упасть и кого-нибудь придавить.

— А у вас еще растут в округе ивы?

— Если я скажу, где они растут, вы отойдете?

— Безусловно. - Адочка сложила руки на груди, показывая истинность своих намерений.

— На западной стороне есть курятник с тремя ивами, — парнишка вскочил в кабину и просигналил. Адочка уступила дорогу.

Около курятника? Свидание с вином и прекрасным видом? Он опять издевается? Ну уж нет. Он еще пожалеет, что связался с ней. Тем более она в таком состоянии... Адочка внезапно вспомнила, в каком безысходном состоянии она должна быть. Но почему-то в нем не была, и заслуга целиком лежала на винодельне, тайных ложах и Кирилле Вениаминовиче. Стоп.

Как звали того волшебника-доктора, что отдал ей листок и вылечил ногу? Вениамин? Адочка остановилась. Как его называл Адонис Альбертович? "Бывший мастер". Соответственно, Кирилл Вениаминович — его сын и владелец винодельни. Обалдеть...

Обогнув жилой корпус и зал для дегустаций, она прошла по тополиной аллее к западному углу винодельни. Там действительно росли три ивы. А между ними стоял двухэтаж-

ный курятник из маленьких бревнышек – как игрушечный домик Бабы-Яги.

Адочка огляделась по сторонам. Никого. Открыла щеколду и вошла внутрь. Низкие потолки, насесты, оранжевые курочки с хохолками. "Может, и не такая уж плохая идея для randevу в курятнике. Тут мило", – идиллия разрушилась, когда она услышала два голоса. Один, с характерным грассированием Адониса Альбертовича:

– Необходимо только его подпись. Больше он нам не понадобится. Второй – до боли знакомый, что Адочка даже вытеснила из сознания его имя:

– Ты уверен, что это не выйдет за рамки ложи?

– Абсолютно.

Голоса удалились. Но Адочка выждала еще минут десять и только потом вылезла из курятника.

– Милая леди, как приятно вас видеть, – напротив стоял Кирилл Вениаминович и широко улыбался. – А позвольте поинтересоваться, что вы там делали?

– Яйца собирала, на завтрак хочу яичницу. Адочка спрятала пустые ладони за спину.

– Вам не нравится наша кухня?

– Нравится, Кирилл Вениаминович.

– Просто Кирилл, – он улыбнулся и протянул ей руку. – Познакомимся?

– Адочка, – она проигнорировала его руку и склонила голову.

– Вы принимаете мое приглашение на вечер?

Адочка замялась. Не могла же она сказать, что вначале порвала его приглашение, потом прыгала на одной ноге по всему двору, чтобы найти обрывки, но самой важной части, где было написано место встречи, так и не нашла.

– Вы думаете, это удобное место?

– Прекрасное. Там открывается абрикосовый закат. Сегодня чистое небо, и мы насладимся видами.

– Хорошо.

Адочка наблюдала, как упругой походкой удаляется Филипп, и напряженно думала: "Значит, это не курятник. Здесь нет простора, а закат нельзя увидеть из-за холма. Но где же это?"

Глава 5

В уютном арочном винном погребе в растерянности стоял Кирилл Вениаминович. В правой руке он держал — Совиньон Блан, в левой — Цвайгельт. Что подойдет лучше? Он не признавался себе, что его зацепила своенравная гостья из 13 номера. Может быть тем, что абсолютно не разбиралась в вине, или тем, насколько живая и растерянная она была тогда в рубашке с пустым бокалом. А возможно тем, что всегда влипает в какие-то ситуации. Вчера на неё жаловался студент-тракторист, говоря, что она не давала ему пройти, пока не выпытала, где растут ивы. Зачем ей это понадобилось — непонятно. Отец просил не писать "летающие письма", потому что гостья скакала за ними по всему двору на одной ноге. Отцу пришлось вправить ей голеностоп и отправить в номер, чтобы она, не дай бог, чего-нибудь не сломала. Час назад Кирилл застал её, выглядывающей из курятника. Что ее туда понесло — одному покровителю виноделов известно.

Кирилл уложил в корзинку виноград и сыр. "Всё-таки Совиньон Блан," – решил он. Недаром с него началось их знакомство.

В погреб винодельни заглянул деверь, Адонис.

– Кир, пора поговорить.

– Нет, нет и нет.

– Почему? Ты ничем не занят.

– Троекратное отрицание тебе ни о чем не говорит?

– Прекрати и будь хоть иногда серьезней. То что ты высококлассный селекционер, не дает тебе право так бездумно относиться к обязанностям по содержанию винодельни.

– Почему не дает? - Кирилл ухмыльнулся, - Я красавчик и герой, а еще у меня встреча с чудесной гостьей. Она первая женщина перед которой я не просто должен извиниться, но и хочу этого.

Адонис Альбертович перекрыл выход.

– Потом извинишься. Это дело не терпит отлагательств.

– Вино нагреется, а хуже этого нет ничего. Уж ты-то, как посвященный в ложу виноделов, должен знать, что это будет святотатство. – Кирилл прижал корзинку к груди и протиснулся между Адонисом и дверью.

– Тебе необходимо принять решение, – крикнул тот ему вслед.

– Обязательно, но не сегодня, – Кирилл натянул на лоб кепку и словно танцор, виляя задом, отправился в сторону западного склона.

..

Мягкий закат окрашивал виноградные листья, превращая их в огненные всполохи. Кирилл взглянул на часы: 19:10. Она не пришла. "Что ж, дамам свойственно опаздывать, тем более таким своенравным", – Он даст ей еще полчаса форы.

Солнце давно скрылось за горизонтом. Кирилл выбросил

увядшие грозди винограда, пнул корзинку, вытащил бутылку совиньон блан и, бормоча сквозь зубы злобно-язвительное, решительно зашагал обратно.

"Она же сказала, что придет! Что за неуважение? Она думает, я мальчик на побегушках?"

Заметив фигуру своего деверя Адониса, Кирилл хотел свернуть в сторону, но было уже поздно.

– Отлично, что я тебя застал сегодня, – широко улыбнулся Адонис.

– Я бы так не сказал.

– Что? Впрочем, неважно. Или скажешь, что не в настроении? Не удалось извиниться перед гостьей? Или она не приняла извинения?

– Хуже. Она просто не пришла.

– Не забивай себе голову. Одна не пришла, будут другие. Мне кажется, ты слишком ею очарован. Лучше к делу.

– Нет. Я не в настроении.

– Ты никогда не будешь в настроении, – Адонис схватил Кирилла за предплечье. – Ты сейчас владелец винодельни, и ты должен подписать договор об инвестициях, иначе мы все потеряем.

– Я сказал нет! Сегодня я не готов, – Кирилл вырвал руку.

– Кто тебя лишил покоя? – Адонис сбавил тон.

– Гостя из номера 13.

– А... – Адонис замолчал и как-то странно посмотрел на Кирилла. – Эта та сумасшедшая истеричка, которую Филипп

отправил сюда, чтобы она успокоилась?

– Филипп – это кто?

– Один из предполагаемых инвесторов и, по совместительству, ее муж.

– Муж... - повторил Кирилл ожидая ответа.

– Фактически да, номинально нет. Он от нее ушел. Да я бы и сам не стал жить с такой истеричкой. А ее сюда на неделю определил, как в реабилитационный центр, – Адонис хихикнул. – Я ее видел сегодня.

– Врешь.

– Если подпишешь договор, скажу где она. – Адонис взглянул на почти неразличимого в темноте Кирилла. И вкрадчиво произнес, – Ну, хотя бы назначишь дату подписания.

– Дай мне неделю. Потом я твой. Говори, где ты ее видел.

– Она ходит вокруг курятника кругами, говорю же, сумасшедшая. Держись от нее подальше.

Кирилл не слушая, рванул в сторону курятника размахивая бутылкой на ходу.

..

В девять вечера прекрасно видны звезды над виноградными полями. У забора курятника – белое пятно. Вот же она. Дрожит от вечерней прохлады. Сколько она здесь простояла? Два часа в одном сарафане с открытыми плечами.

– Привет, – Кирилл подошёл совсем близко, чтобы заметить заплаканное лицо. – Я тебя ждал в условленном месте.

Ты не пришла.

Адочка, дрожа всем телом, протянула ему его приглашение, разорванное и склеенное.

– Я не поняла, куда идти. Тут написано "и вы". Я подумала, что это там, где деревья ивы.

– Ой. Там не было ив, – Кирилл снял рубашку и накинул ей на плечи. – Там написано, "где растут и вызревают сорта моей селекции". Все знают, что это на западном склоне. – Кирилл сочувственно обнял её за плечи, пытаясь разогнать кровь. – Ты всё это время ждала меня?

– Да, – Адочка всхлипнула. – Я.. мне... я не могла признаться что не знаю куда идти.

Кирилл вспомнил слова Адониса, когда он назвал эту дрожащую в темноте женщину с размазанным макияжем сумасшедшей истеричкой. Гнев в груди смог подавить, но дал себе обещание, никому не позволять так отзываться о ней.

– Я даже не буду спрашивать, что случилось с письмом и почему пропал один кусок. Сейчас необходимо согреться и выпить горячего. Тут Совиньон Блан не подойдёт. Я знаю, что тебе нужно. За мной.

– Мы уже на "ты"?

– Конечно! Я же спас тебя от диких спящих кур, теперь я твой побратим. Кирилл снял с ее волос перышко и засунул в нагрудной карман.

– Обряд совершен.

В винном погребе Кирилл усадил Адочку в уже знакомое кресло.

– В этот раз ты не будешь карабкаться по дубовым бочкам? – он кивнул на пирамиду, с которой спускал её в прошлый раз. Не дождавшись ответа, хмыкнул и стал колдовать. Налил в высокую стеклянную колбу красное вино, добавил апельсин, горстку сухих приправ и поставил в аппарат.

– Начнем нашу учебу, – Кирилл укутал Адочку пледом и сел на подлокотник кресла. – Что ты ощущаешь?

– Стыд, злость и разочарование.

– О нет, так не пойдет. Ароматы.

– А это... – протянула Адочка уже насмешливо. Стало понятно, что она согрелась. – Я же не разбираюсь в ароматах, и учить должен меня ты, побратим.

– Согласен на все сто, – Кирилл склонился совсем близко к её лицу. – Но как бы я ни хотел, нос твой, и я не могу им стать. Поэтому просто скажи, что ты ощущаешь.

– Ничего, – Адочка отвернулась.

– Подожди, не злись.

– Вот только не надо мне говорить, что мне делать и как реагировать. Я хочу злиться, и злюсь, и кто ты такой, чтобы запрещать мне?

– Хорошо, хорошо, – Кирилл примирительно выставил открытые ладони перед собой. – Извини, был не прав. Давай ещё раз.

Адочка молча ждала.

– Закрой глаза. Доверься мне.

– Я уже одному доверяла двадцать лет, и к чему это привело? – глаза Адочки сверкали. Странная смесь слез, энергии, возмущения и красоты. Кирилл не сдержался: – Ты похожа на шестнадцатилетнюю девчонку

. – Ты издеваешься? Мне 49 лет. И я жалею, что согласилась прийти сюда,

– Спасибо за плед. Мне пора. – Адочка встала.

Она медленно и аккуратно складывала плед, словно чего-то ждала. Воздух сгустился. Лампы в виде свечей перестали разгонять тьму. Тишину прерывал лишь шелест ткани.

– Мне 41, но это же ничего не значит?

– Это многое значит, – Адочка успокоилась и посмотрела ему прямо в глаза. – Я стара для тебя. Не нужно было все это затевать. И да, я была не в себе и вела себя неподобающе ни возрасту, ни... На самом деле, это я должна принести извинения за какой-то необъяснимый взрыв надежды. Это так глупо. Прости, что все так... Сложенный плед уже давно лежал в кресле. Руки не находили себе места. Глинтвейн кипел в аппарате, и аромат гвоздики, апельсина и яблок обволакивал комнату, почти крича: “Останься, глупая, останься! Не убегай от новой жизни, от надежды!” Она была бы рада послушаться этого голоса, жаждала его. Всего-то и нужно было одно слово от Кирилла. Но он молчал. Стоял ошеломленный, и с лица спала его обычная озорная улыбка, что при-

влекла ее тогда в номере. Сейчас он смотрел в пол и лишь носогубные складки выделялись на его лице.

А дочка медленно вышла из винного погреба, так и не дождавшись волшебства, что приготовил для нее Кирилл.

Он ее не остановил.

Глава 6

Алекс новоиспеченная сотрудница женского журнала, ненавидела звонить домой. Она ходила по студии, которую на год ей оплатила редакция как многообещающему молодому специалисту. Пять лет назад, поступив в институт, она наконец-то вздохнула спокойно. Постоянные ссоры отца с матерью, её подобострастие перед ним – всё это угнетало. "Филипп, рубашки на вешалке, Филипп, отбивная в контейнере, возьми с собой, у тебя же желудок больной". Тьфу. Алекс остановилась у окна. Вытащила из пачки сигарету.

В родительском доме невозможно было жить, не потеряв себя. Всё принадлежало отцу: пространство, вещи, даже воздух. Только в институте она смогла почувствовать себя свободной. Благо, профессия журналиста позволяла ей оправдывать свое нежелание навещать родителей частыми командировками.

Мать только вот жалко. Но она сама сделала этот выбор. Чего уж ее теперь жалеть.

Алекс даже на свое 23 ление не позвала родителей. Слишком больно видеть такое отношение двух близких людей друг к другу. Но самое страшное это увидеть себя кричащей на мать, точно также как делал это отец.

Алекс повертела в руках сигарету, понюхала ее и сломала. Обещала же себе бросить эту гадкую привычку.

Она не сможет уважать себя, если не сможет совладать с приступами гнева. Дурную табачную зависимость удалось преодолеть. А страх перед встречей с родителями остался. Он держал ее крепкой пуповиной канатом. Она мгновенно скатывалась в положение маленькой девочки, которая хочет заслужить уважение отца любой ценой. Даже тем, что вступить в коалицию с ним против матери.

Она ее никогда не понимала. Никогда.

Но сегодня отец позвонил. Он сказал, что будет подавать на развод. Ариадну Фадеевну он разлюбил. Так и сказал. Ариадну Фадеевну.

Да и любил ли он ее когда нибудь?

...

Редакция "Леди.ру" располагалась в центре города и состояла из двух огромных комнат и кабинета главной редакторки, довольно скромного по размерам. В больших комнатах работали рядовые журналисты и корректоры. Семь человек в одном помещении: каждый что-то жевал, печатал, разговаривал по телефону. Но умение отключаться от скандалов и разборок, приобретенное в семье, здесь очень пригодилось Алекс, и именно поэтому она была ценным сотрудником.

Украдкой оглянувшись, не смотрит ли кто-нибудь на неё, Алекс достала телефон. "Маме нужно позвонить. Как она сейчас?" Но не смогла. Убрала телефон обратно.

– Александра, зайди ко мне в кабинет, – перекрывая шум,

крикнула редакторка Кэтрин. Она любила, когда её так называли, считала, что в этом есть лоск и стиль. Хотя, на взгляд Алекс, это было чересчур претенциозно.

– Наши читательницы – в основном женщины сорок пять плюс, те, кто всё ещё обожает держать в руках бумажные страницы и перелистывать их, отмечать карандашом понравившиеся места, делиться с соседкой новостями и решать кроссворды на последней странице. Подумайте, что могло бы их заинтересовать. Какая тема интересна и животрепещуща именно для них? Синдром опустевшего гнезда, развод и прочее. Подумайте. Алекс кивнула, показывая, что услышала, и повернулась чтобы уйти.

– Я хотела тебе напомнить, что ты обещала встретиться с Борисом. Ему сейчас нелегко. А твоему упорству и мотивации можно позавидовать. можешь просто с ним побеседовать поделитьсЯ своими секретным ингредиентом успеха.

Алекс кивнула и вернулась на своё место. Про Бориса, 35-летним прыщавым безработным братом, Кэтрин прожужжала ей все уши. Алекс не было до него никакого дела. но до своей работы в одной из оставшихся журнальных редакций в городе еще державшейся на плаву ей было дело. Как и хорошее отношение начальницы. Поэтому она и согласилась. Но думать решила о другом. "Развод, да, эта тема близка. Но как я могу описать её, если сама не прожила?" Кончик ручки был погрызен за десять минут – Алекс сосредоточенно размышляла. Когда испорченная ручка оказалась в мусорном вед-

ре, план был готов. Открыв интернет, она набрала: "Секреты писательского мастерства для начинающих онлайн-курс". А в графу "Кто заказывает курс" вписала: Ариадна Фадеевна Кориафили. Номер карточки вбила свой. Охнула, когда обозначенная сумма списалась. Теперь конечно, придется отказаться от кофе на вынос и пятничных походов с подружкой в китайский ресторан. Но оно того стоило. Точнее, Алекс на это надеялась.

– Я возьму двухдневный отгул, – подошла с коллеге и доверительно шепнула, – запиши, пожалуйста, в бухгалтерской книге, – еду выполнять задание Кэтрин.

...

Над винодельней вставало августовское солнце. Петух из курятника подал голос. Адочка закрыла окно и вернулась в кровать. Она заказала десять бутылок вина, твёрдо решив не выходить из номера оставшиеся три дня. Точнее, два с половиной, если считать, что выезд в 12:00. И ещё она попросила приносить еду из кафе прямо в номер. Никого не хотела видеть. Никого. В дверь постучали.

– Поставьте поднос с едой перед дверью. Я заберу, – крикнула Адочка, лёжа навзничь на кровати. Она смотрела на хрустальную люстру и решительно не желала прерывать это занятие. В дверь опять постучали.

– Просто оставьте и уходите, – голос стал пронзительнее. Стук продолжился.

– Уходите, я сказала! Оставьте меня в покое! – выплюнула

в потолок последние слова и спрятала голову под подушку.

Стук не прекратился, наоборот, стал быстрее и настойчивее. Адочка швырнула подушку в дверь и вытолкнула из себя последнее средство – грубость:

– Убирайтесь! Стук прекратился. Адочка вздохнула и опять легла навзничь, рассматривая подвески на люстре. Десять минут всё тихо. Хрустальные подвески завораживали игрой солнечных лучей.

Стук раздался со стороны окна.

– Вы явно хотите моей смерти или вашей, – вооружившись подушкой, Адочка направилась к источнику звука. Сквозь стекло на неё смотрела её дочь Александра: взъерошенные волосы, в левой руке маленький букетик чертополоха, правой держалась за подоконник. Стучала рукой с чертополохом – вся ладонь была исколота. Адочка бросилась открывать створки окна.

– Моя ж ты девочка, прости меня! Да как же так, залезай скорее! Да брось же ты эти колючки!

– Ни за что! Я их что ли зря собирала возле забора? Для тебя!

– Для меня?! – Адочка взяла из ладони дочери три веточки чертополоха и поцеловала исколотую ладонь.

– Не надо, мама. Со мной всё в порядке. Как ты?

– Я... - а что я, вот отдыхаю.- Адочка накинула на корзинку с 10 бутылками вина одеяло. И чтобы не дать посмотреть дочери в мусорную корзину переполненную пустыми бутыл-

ками, воскликнула, – выйдем прогуляемся здесь чудная природа, и изумительный воздух.

Стала теснить дочь к двери.

– Тебе будет удобно ее в кафе подождать. Я быстро приму душ и накинута, что нибудь подходящее. Сейчас как раз завтрак. Встретимся там. Скажешь ты к госте из номера 13

Как только за дочерью закрылась дверь, Адочка завязала мусорный пакет и переложила его в непрозрачный. Через три минуты она уже выпрыгивала из душевой. Ей всегда хватало трех минут, чтобы принять контрастный душ и один раз намылиться шампунем с ног до головы. "Так, теперь фен". Что же она сказала дочери через дверь? "Убирайся". Как стыдно и неловко. Надо будет извиниться.

Натянув джинсы и футболку, Адочка прихватила мусорный пакет, выглянула в коридор. Никого. Она элегантно опустила полный пакет с бутылками у номера напротив и поспешила к дочери.

Адочка виртуозно врала. Она лгала, обманывала, принуждала себя держать покер-фейс. внутри нее жила пустота. Смесь дикого одиночества и тревоги. Снаружи она улыбалась. И ей удавалось держаться. Только вот перед владельцем винодельни Кириллом Вениаминовичем, у нее чуть дрогнул фасад и пошел трещинами. Но она теперь не даст себя провести.

Свистать всех наверх, затянуть пояса. Теперь она возьмет себя в руки.

...

Алекс ждала за столом, накрытым на одного.

После дежурных поцелуев Адочка позвала официанта и попросила накрыть на двоих.

– У вас заказ на одного. Второй будете оплачивать наличными или картой? – официант спокойно наблюдал за багровеющим лицом Алекс. Его предупреждал Адонис Альбертович, чтобы не давали этой гостье поблажек и вел себя с ней сухо, но предупредительно. Она находилась здесь только потому, что Адонис был кое-что должен её бывшему мужу. Чаевые не давала. Приживалка одним словом.

– Картой, – Алекс протянула банковскую карту с легкомыслием, хотя знала, что придется залезть в кредит. Обернулась к маме:

– Как ты?

– Прекрасно, видишь, всё включено. Экскурсии, питание, дегустация. Я прекрасно отдыхаю.

– Мама, не надо... Мне позвонил отец.

Адочка сжала зубы. Свистать всех наверх. Затянуть пояса. Ни капли слезинки, ни дрожащих губ, ни печали в глазах.

– Что он тебе сказал?

– Что подал на развод.

– Да, это так, – Адочка сглотнула. Как же ей хотелось выплеснуть боль. Сказать: "А ты знаешь, почему он подал на развод, почему он меня оставил ни с чем? Ты знаешь, что он отбирает дом, где всё куплено и подобрано моими руками,

где ты росла? Ты знаешь, что он меня променял на другую? Твою ровесницу, стажёрку в финансовой компании?"

Но, конечно, она этого ничего не сказала.

Покер-фэйс у нее был на уровне. Профессионалка.

– Французский завтрак, дамы, – официант улыбался одной Алекс. – Скрэмбл из жареных яиц, крок-мадам – теплый бутерброд с яйцом, ветчиной и сыром, виноград и кофе. Желаю приятного дня.

– Он невозможный пижон, – Алекс положила свою руку поверх руки матери. – Наплюй.

– Он меня не задел, не переживай.

– Мама, не надо. Я-то всё вижу. Сколько бы ты ни делала вид, что всё хорошо. У тебя глаза как бездонная глубь, они тебя выдают всегда.

Адочка сдалась.

– Я рада тебя видеть, – и грустно улыбнулась.

Алекс передала маме виноград: – Ты мне так и не сказала, как ты?

– Милая, о таких вещах мать не должна говорить дочери. Для этого существуют подруги и кушетки психоаналитиков.

– Но у тебя же нет ни одного, ни другого.

– Ты приехала сюда для того, чтобы сказать мне это?

– Нет. Я приехала для того, чтобы вручить тебе оплаченный курс "Секреты писательского мастерства".

Адочка хмыкнула: – Ты сошла с ума.

– Да, это и не мудрено в такой-то семье. Просто знай, курс

стоит две моих зарплаты, во-первых, а во-вторых, – Алекс повысила голос, чтобы заглушить возражения матери, – а во-вторых, сдать его нельзя. Если ты не будешь заниматься, то мои деньги просто пропадут.

– Это запрещенный ход.

– Я знаю. Но это единственное, что может на тебя подействовать. А от отца денег не приму. Это ты тоже знаешь.

– Тогда ответь на один вопрос. Зачем?

– Ты вдохновила меня стать журналистом. Именно ты читала мне по вечерам вслух, именно ты разбирала со мной школьную программу и писала сочинения, такие, что я заняла первое место в краевой олимпиаде. И одновременно, именно ты забросила свой талант ради меня и отца. Но я теперь взрослая, отец ушёл к другой. И вместо того чтобы пить... – Алекс опять повысила голос, перекрывая возмущение матери, – вместо того чтобы прятать бутылки под кровать... я их видела...

Адочка опустила голову вниз, чтобы скрыть внезапно покрасневшие щёки.

– Так вот, вместо того чтобы пить, я предлагаю, чтобы ты сама себе задала вопрос: "Какое произведение искусства я могу создать из того, что есть – моя собственная жизнь?" Именно из того, что есть сейчас.

– Тебе нужно было идти в психологи.

– Мам, работа журналиста включает психологию и провокацию.

– Так вот что это... провокация.

– Да, – просто улыбнулась абсолютно счастливая Алекс. – Это единственное, что может вывести тебя из саможаления.

..

После того как Адочка попрощалась с дочерью, она легла лицом в подушку в своей номере с чертовой дюжиной. Она не позволит вырваться наружу своей слабости. Когданибудь возможно это произойдет. Но не сегодня.

Глава 7

Ситуация была дерьмовой. Если быть совсем честным, он сам и есть... Почему он не остановил её, не сказал ни слова этой странной и такой притягательной гостье из 13-го номера?

"Да ангел всех заberi!" Кирилл впечатал кулак в белую перчатку в стену маленькой комнатки прозванной правой кельей. По центру кельи в кадке росла надежда на будущее — выведенный им сортовой саженец винограда. Об этом потайном месте, знали лишь посвященные виноделы.

Саженец ему пришлось везти его контрабандой. Во французской ложе не знали об этом. Не слишком ли он рисковал? Ведь он прекрасно знает правила игры. Сколько времени он провёл во Франции? Семнадцать лет или даже больше? После окончания сельскохозяйственной Академии им. Тимирязева принял предложение Национального института агрономических исследований Франции и познакомился с ложей виноделов. Ресурсы у них, конечно, огромные, но и цена высока. Отец это понял и вышел из ложи, дав согласие на усыпление - отстранение. Вынужденный участвовать в дурацком ритуале, и лежать в гробу внутри фургончика ритуальных услуг. Официально, так сказать отошел от дел. Теперь для всех он бывший почтенный мастер.

А Кирилл Вениаминович, новый владелец винодельни не

может себе этого позволить. Он ответственен за слишком многих.

Кирилл вышел в центральную залу с черно-белым шахматным полом. Его отец, бывший почтенный мастер стоял возле одной из трех колонн символизирующих мудрость, силу и красоту. Кирилл подошел к колонне, “сила”, и прислонился лбом к холодному мрамору.

– Я слишком много знаю, и от этого так тяжело принять решение.

– Ты знаешь достаточно, – ответил отец. На нём не было ни белых перчаток, ни фартука с изображением розы и виноградного листа, как на его сыне.

– Слушай свою интуицию, даже если кажется, что это путь в никуда.

– Но она молчит.

– Время придёт, и ты её услышишь.

Кирилл вышел из потайной залы для посвящённых, снял перчатки и фартук. Почему, чтобы серьёзно поговорить, они должны проделывать все эти ритуалы? Почему нельзя поговорить просто в кафе за бокалом пусть даже ординарного красного вина? Ему до смерти захотелось прекратить все эти многозначительные игры и зажечь простой жизнью: полюбить обычную женщину и не думать о интригах. Не нести на своих плечах будущее всего русского виноградарства.

...

В своем убежище №13 Ада открыла ноутбук и, кликнув по ссылке, оказалась на странице курса.

Секреты писательского мастерства

Добро пожаловать! Для начала представьтесь. Кто вы и зачем вам нужно писать?

Хм... "Кто я?" Ада замерла над клавиатурой, ощущая, как подступает знакомое оцепенение. "Нет, только не сегодня!" Она попыталась вдохнуть глубоко, но это не помогло. Тогда она решительно вытащила зубами пробку из вчерашней бутылки вина и сделала большой глоток.

Лишь теперь она чувствовала себя достаточно собранной, чтобы написать хоть что-то о себе. Итак...

"Меня зовут Ада, 49 лет, переживаю развод. Дочь купила мне этот курс, надеясь, что я не сопьюсь. Потому что даже сейчас, чтобы просто сказать несколько слов о себе, мне необходима эта доза, чтобы не утонуть в отчаянии. И хотя я понимаю, что после будет только хуже... Возможно, писательство – это единственный шанс привести в порядок мои мысли, структурировать их и, наконец, начать называть вещи своими именами."

Вдруг кто-то постучал в окно. Адочка вздрогнула и закрыла ноутбук.

На подоконник запрыгнул Кирилл с розой в зубах.

— Это тебе! Снова пришел просить прощения.

— Ты повторяешься, — улыбнулась Ада.

— А ты неповторима.

— Нет, не то, — покачала она головой.

— Прости. Давай начнем сначала.

— Сколько раз мы будем начинать?

— Столько, сколько потребуется. Я решил организовать пикник прямо здесь!

Кирилл кивнул кому-то за окном, и тот подал ему тяжелый плетеный сундук.

— Здесь есть все необходимое. Во-первых, скатерть, — с артистичной ловкостью он развернул льняную скатерть, украшенную вышитыми шелковыми нитями виноградными листьями, и расстелил ее на полу. — Салфетки, приборы... — с каждым его словом на скатерти появлялись новые предметы.

— Четыре бокала — для красного и белого вина, — пояснил Кирилл.

— Четыре безупречные салфетки из хлопка и льна от Guy Degrenne.

— Изолированная бутылка для вина.

— Большая стеклянная банка для десерта. В ней, как ты видишь, виноград. Но это не просто виноград. После того, как ты его попробуешь, я расскажу о нем кое-что интересное.

— И, конечно же, набор ложечек для десерта.

— И штопор от "Ателье дю Вин".

Когда импровизированный столик был накрыт, Ада спросила:

— Кроме вина и винограда, что-нибудь будет?

Кирилл загадочно улыбнулся:

— Не переживай о хлебе насущном. Будь как птица небесная и лилия полевая!

Неловкость нарастала. Кирилл был совершенно не похож на Филиппа, и Ада не знала, как реагировать на происходящее. К Филиппу она бы подстроилась, сама накрыла на стол и ушла в свою комнату. С Кириллом её спасали колкость и сарказм. Но сейчас они словно растворились за ненадобностью. Она отвыкла от такого внимания к себе, словно не заслуживала его. Ей хотелось сказать ему: "Ты ошибся номером, всё это не для меня, а для какой-то другой женщины. Зачем ты мучаешь меня этим..."

Кирилл обернул бутылку полотенцем, чтобы она не нагрелась, и ввинтил штопор.

— Возьмите его, — Кирилл кивнул на узкий бокал, вытянутый в форме латинской буквы U. — Держите только за ножку, чтобы чаша не нагрелась от тепла ладони.

Бокал наполнился золотисто-соломенным напитком примерно на четверть.

— Не торопись. Вдохни аромат и отставь бокал. Что тебе говорит нос?

— Он мне говорит, что на полу сидеть неудобно.

— Это говорит привычка, а не ты. Попробуй довериться ему. Ты ощущаешь цветочный, травяной или фруктовый оттенок?

— Травяной.

— Теперь покрути бокал за ножку, стараясь не расплескать вино. Что чувствуешь?

— Это глупо...

— Скажи.

— Хлебный запах.

— Верно, — Кирилл счастливо улыбнулся. — Отставь бокал на три минуты, мы вернемся к нему в третий раз. А пока расскажи о себе.

— Почему я должна первой рассказывать о себе? Лучше ты.

— Резонно, — Кирилл встал и закрыл окно. — Что ж, начнём. Кирилл, 41 год, единственный ребенок в семье. Мать умерла, когда мне было 23 года. Тогда же закончил Сельскохозяйственную Академию им. Тимирязева, специализация — виноградарство. Мечта — вывести устойчивый к основным грибковым заболеваниям сорт для нашей почвы. Меня пригласили участвовать в селекционной программе во французском питомнике. При скрещивании удалось вывести два сорта, устойчивых для того климата и ландшафта, из материнского корня. Отец позвал меня домой возрождать традиции русского виноградарства. И вот я здесь.

Ада взяла бокал и вдохнула: — Чертополох.

— Бинго! Вот теперь можно пробовать на вкус. Держи во рту и не глотай. Вначале сосредоточься на кончике языка. Ничего не говори, оцени сладость. Теперь обрати внимание

на кислотность. Молчи. Сама для себя. Обрати внимание на вяжущее, шершавое или сухое ощущение. Ещё не глотай. Жди. Пришло время оценить мощь вина. Оно сбивает тебя с ног, дарит вдохновение, или едва задевает душу? — Дав ей несколько секунд, он приказал: — А теперь плюй, — и поставил плевательницу.

— Почему нельзя было проглотить?

— Закрой глаза и подожди минуту. Просто подожди.

Ада откинулась на спинку кровати и подтянула ноги к груди.

Медленно открыла глаза.

— Ты прав. Это ни в какое сравнение не идёт с тем, что я просто пью вино из горла, — она достала из-под кровати закатившуюся бутылку, из которой полчаса назад сделала глоток, чтобы смочь написать о себе несколько строк.

Кирилл сдержал ужас, мелькнувший в глазах. Воспитание позволило ему деликатно сменить тему.

Открыл большую банку с виноградом. Ада повела носом.

— Это тот самый, из которого вино!

— Да. Но он гибнет из-за грибковых болезней. Уже 80% урожая погибло. Если я не найду способ остановить это или вывести устойчивый сорт, можно попрощаться с винодельней и опять пойти в найм. Теперь твоя очередь рассказывать о себе.

— Нечего. Домохозяйка, муж нашёл другую, дочь — самостоятельная журналистка. А я... Кто я? Никто. Даже дру-

зей нет. Ни с кем не общаюсь. И хобби, - предупредив назревающий вопрос ответила Ада. — тоже нет.

Ноутбук коротко пискнул, сообщая о новом сообщении. Затем еще раз.

Кирилл, кивнув на устройство, спросил:

— Кажется, кто-то ждет твоего ответа.

— Это неважно... — Ада запнулась, словно не решаясь продолжить. — Желаю тебе найти способ одолеть эту болезнь винограда или, в конце концов, вывести устойчивый сорт.

— Что ж, алаверды, как говорится, — Кирилл изящно поднял бокал за длинную тонкую ножку. — А тебе желаю исследовать себя и понять, что внутри тебя целая глубина, о существовании которой ты даже не подозреваешь. И это во-все не обязательно что-то пугающее. Возможно, именно там скрыто твое вдохновение.

Адочка услышала горький вздох и задорную кварту, когда их бокалы встретились.

Дорогие мои!

Это последняя бесплатная глава.

Стоимость подписки 129 рублей.

*Мы узнаем что за таинственная ложа Виноделов,
как связан с ней Кирилл,*

сможет ли Адочка поверить в любовь после измены мужа...

вы читаете следующих главах.

Глава 8

Бывают дни, когда тебя переполняют солнечные смешинки. Они перепрыгивают из одной части тела в другую, и ты не можешь усидеть на месте, а прыгаешь вместе с ними. Сегодня у Алекс был именно такой день.

Во-первых, её авантюра по спасению мамы от депрессии удалась. Мама не отказалась, а это уже означало, что она зайдёт на сайт. Поэтому Алекс могла быть спокойна за её будущее.

Но насчет

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.